

ние: „от словес епистолии твоей, пресветлейше, научаюся...“<sup>1</sup> „ныне убо, что отведаю тебе, и како пресветлейшей епистолии твоей конец положить возмогу, како бо возможно есть мне не свершеному от свершенных и вышних вещей свершеннейшему тебе отвеждати, светлейшая бо твоя епистолиа ползовати мне тебя пишет... да не глух противу честных писаний твоих буду... Что воздам попечению твоему, имже по вся дни о спасении душ наших печешься святого учения настояние и святейшаго живота прежних отец образом, и данною по мне епистолии твоей избытием“.<sup>2</sup> „По предиреченных же веледушна мя твориши к терпению даже до конца светлейшими епистолии твоей совещаши во скорбех и противствех моих...“<sup>3</sup>

С другой стороны, мы находим в послании строки, прямо говорящие, что Ф. Карпов в период написания послания находился в удрученном состоянии духа, — это и уже выше приведенная цитата, в которой Ф. Карпов прямо говорит о своих „скорбех и противствех“, и прямое признание „зане великими скорбьми одържим есмь; увы, ныне несть мне время епистолей слагати, но время належитъ рыданию, не бо плачевнаа книга Иереми не толиких рыдании исполнена быти может, елико моя худая епистолиа“.<sup>4</sup>

Однако этих признаний еще слишком недостаточно, чтобы присоединиться к мнению об опале. Что могло заставить Ф. Карпова, человека, связанного служебной деятельностью с самодержавной властью, не взирая на опасность, выступить с критикой существующих порядков, правда, не в открытой, а в тщательно замаскированной форме, но все же с критикой, которая могла плачевно отразиться на его дальнейшей жизни и деятельности?

Событием, возмутившим его настолько, что он, пренебрегая последствиями, высказался открыто, могло явиться осуждение и заточение в тюрьму Максима Грека, человека, которого он очень уважал и с которым был тесно связан. Как мы уже видели, Ф. Карпов принадлежал, несомненно, к оппозиционно настроенным слоям боярства. Но оппозиционность его была не активная, не открытая, а скрытая. Это — глубоко запавшее ему в душу недовольство новыми порядками, самодержавной властью. Однако, связанный с нею своей служебной деятельностью, опасаясь навлечь на себя опалу, он не высказывал своего недовольства. И понадобилось, видимо, какое-то из ряда вон выходящее, возмутившее оппозиционно настроенных лиц событие, чтобы эти его настроения прорвались. Но даже и здесь, несмотря на охватившее его возмущение, Ф. Карпов очень осторожен; он не прямо высказывает свое недовольство, а говорит намеками и умело маскирует свои взгляды. Это подтверждается и тем, что сам Ф. Карпов говорит в послании: „... яз ныне о тех, яже умыслил, молчание устом моим налагаю...“<sup>5</sup>

Если мы примем высказанное выше предположение, то понятны станут и сетования Ф. Карпова, и его удрученное состояние, большие „скорби“, о которых он сам нам сообщает. За этим настроением скрывается недовольство и существующими порядками и, возможно, несправедливым, по его мнению, осуждением Максима Грека.

<sup>1</sup> Там же, стр. 106.

<sup>2</sup> Там же, стр. 107.

<sup>3</sup> Там же, стр. 108.

<sup>4</sup> Там же, стр. 106.

<sup>5</sup> Там же.